

М.М.РУКАВИЦЫН
**ПРИНАДЛЕЖИТ
НАРОДУ**

М.М.РУКАВИЦЫН

8P2
P-84

ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ

+7

О НАРОДНОСТИ
ЛИТЕРАТУРЫ
И ИСКУССТВА

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1990

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

с самим собой, его укор собственной совести. Не сам ли он, или такие же, как он, как Афоня Бронников, другие ничем не приметные в своей массе труженики виной всему? Не с себя ли должен спросить каждый: что делать, чтобы одолеть зло? Не с налаживания ли в самом себе надо начинать эту работу, хотя делать это гораздо труднее, чем замечать недостатки вокруг и предавать их гласности? «Одно дело — беспорядок вокруг, и совсем другое — беспорядок внутри тебя... Стало быть, и в этом случае спрашивать приходится только с себя».

Герой Распутина непреклонен в своей вере в конечное торжество здорового нравственного начала в человеке, несмотря на то, что душа у него самого «взбунтовалась и озлобилась» и он испытывал в себе «страшное разорение чувств». Она не лишена у него, эта вера, диалектического подхода. С ней у него ассоциируются важнейшие представления об истинных и ложных ценностях, о будущем родной земли, о тех, кто на ней после нас будет жить и работать: «Работа — это то, что остается после тебя». У человека в жизни должен быть «дом с семьей, работа, люди, с кем вместе правишь праздники и будни, и земля, на которой стоит твой дом...» «...Не годится жить, соглашаясь с правдой лишь наполовину или отказываясь от нее вовсе (уж лучше вовсе, чем наполовину)». Эти и другие, не лишённые мудрости и гражданской зрелости, изречения автор сознательно вкладывает в уста Ивана Петровича, чтобы подчеркнуть переход героя в новое качество (жить по совести) на высокой оптимистической ноте.

Последняя, заключительная фраза из диалога Ивана Петровича с Афоней Бронниковым — «Будем жить...» обращена, надо полагать, не столько к будущему, сколько к настоящему, ибо оттого, что и как мы сумеем сделать сегодня, будет зависеть наше завтра.

Если мы, обычные, рядовые труженики, говорим сегодня все чаще и чаще об ответственности человека в современном обществе, о тревогах мира и людских надеждах, то для писателя эти вопросы воспринимаются как боль сердца, которая, чтобы ее утолить, должна стать нервом произведения, сквозной темой и проблемой творчества. Такие ассоциации возникают, когда думаешь о творчестве последних лет Виктора Астафьева.

В. Астафьев относится к тем современным прозаикам, которые, как мне представляется, наиболее плодотворно

осваивают глубинные пласты народной жизни. Уже в ранних его повестях и рассказах («Кража», «Последний поклон» и др.) ощущается атмосфера беспокойства за человека, который должен жить на земле, продолжать добытое в трудных революционных битвах старшими поколениями дело, стать подлинным хозяином и властелином своей судьбы. Черпая материал для своих произведений из самых глубин народной жизни, творчески осваивая приемы народного поэтического творчества, все богатства народного языка, национальных традиций, многовекового уклада жизни народа, Астафьев создает характеры, обогащенные силой социалистического примера, небывалого дотоле творческого порыва масс в самых горячих точках страны, где требуется от человека чрезвычайная мобилизация сил, энергии, высокое гражданское мужество.

Тогда же, в этих первых этапных произведениях писателя, намечался своеобразный подступ к большой теме, к созданию широкомасштабных, отвечающих духу времени народных характеров. С появлением романа в новеллах «Царь-рыба» стало очевидным (и для широкого массового читателя и для профессиональной критики), что для писателя народный характер приобретает значение своеобразного эталона, становится воплощением правдивости, народности, высокой идейности и партийности искусства.

На фоне ярко обозначившихся социально-экономических, политических и экологических перемен в «Царь-рыбе» рассматриваются необычайно сложные процессы, протекающие в сознании современного человека, диалектика взаимосвязей человека с природной и предметной средой в условиях научно-технической революции. Но содержание художественной концепции романа не сводится лишь к борьбе человека со стихией и теми силами зла, которые противостоят прогрессивным устремлениям века. Главная мысль художника устремлена к высокой духовности человека, его неистребимому желанию подняться над всем тем, что недостойно настоящего человека.

В последних по времени произведениях Астафьев, по его собственному признанию (в интервью «Литературной газете»), вступил в полосу нового творческого этапа, то есть такого этапа художнической зрелости, когда писателю открываются какие-то новые, еще никем не взятые высоты видения действительности, вырабатывается свой собственный, более точный, более объективный, выверенный общественной практикой взгляд на вещи, когда в оцен-

ках социальных явлений ему удается преодолеть привычные подходы, стереотипы художнического мышления, традиционные литературные приемы и т. д.

Он как бы заново обретает внутреннюю свободу — повеждать своим читателям высшую правду бытия, средствами художнической интуиции и фантазии предвидеть ее логическое развитие в будущем.

Почти в одно и то же время появляются журнальные публикации рассказа «Жизнь прожить» («Новый мир», № 9, 1985) и романа «Печальный детектив» («Октябрь», № 1, 1986). Идеино-художественная близость этих двух произведений выразилась прежде всего в новом видении героя наших дней, новом понимании назначения человека в современном обществе, в новом подходе к раскрытию его внутреннего мира.

Сидят на скамейке возле своего дома два немолодых человека, уже отработавших свой срок, свое обязательное рабочее время, отдавших стране, государству, людям, своей родной сибирской деревне столько, сколько им было отпущено природой. И теперь появилась возможность оглянуться назад, ответить на вопрос: как прожита жизнь?.. Хорошо ли, плохо...

Продолжая старую добрую традицию, которая идет еще от пушкинских повестей Белкина, Астафьев берет в повествователи рассказчика из самых глубин народной жизни, незаметного, простого труженика. И имя, и отчество, и фамилия как бы подчеркивают эти его первозданные неброские черты, — Иван Тихонович Заплатин. Иван, каких на Руси много, прожил, на первый взгляд, жизнь действительно тихо, без показного героизма, в житейских делах и заботах — больше не своих, а чужих. Куда только жизнь его ни бросала, но всегда и везде, особенно в трудных «переплетах», он помнил, что надо набирать нравственную высоту, прежде всего в борьбе с самим собой. На крутых поворотах истории приходилось не раз спотыкаться, падать, подниматься и снова идти к цели.

И вот таким, победителем в этой внутренней, духовно-нравственной жизни и борьбе, он предстает перед нами в финале рассказа, то есть когда рассказ его о самом себе уже закончен — предстает в своей полноте и целостности, в своем неподдельном восхищении вечным движением жизни — зимы, весны, осени, лета, сибирской реки Енисей, в своей ненасытной жажде человеческих дел.

В эпилоге Иван Тихонович сидит у своего дома, на своей заветной скамеечке. Сначала он похоронил жену и

спутницу жизни Татьяну Финогеновну, а затем и единственного сына Павлушу. «Непутевая» невестка за хищение и растрату государственных средств осуждена на длительный срок заключения. И только внучка Клабочка, единственная старицкая радость и утешение, навещает его в субботние дни.

Внучка приезжает к бабушке не из каких-либо корыстных побуждений, как это нередко бывает. Нет, она просто любит бабушку. И со своей стороны, бабушка ей платит тем же. Самое большое наследство, которое он передает ей, — это его добрая душа, его благородное сердце, это вся его биография, которую он сохранил в чистоте и незапятнанности.

Описывая характер Ивана Тихоновича, его долгую, размеренную жизнь, писатель сосредотачивается на самом главном и сокровенном. Что у настоящего человека из народа может быть всегда выше всего? — как бы обращается он к читателю. Это его святая любовь к Отчизне, сердечная привязанность к жене, детям, истинным друзьям, товарищам...

Иван Тихонович, точно на исповеди, поведал о том, как он женился на своей незабвенной Татьяне Финогеновне, как его, дотоле наивного и неопытного деревенского парня, образумила на войне «кровь и работа» минометчика, как уже после войны, в мирное время, терял близких и постепенно сиротел в своем заплатинском роду.

И здесь важно понять настроение рассказчика, как и все то, о чем он поведал. Понять, с точки зрения его, пережить вместе с ним его беды и радости, как свои собственные, проникнуться к нему сочувствием и состраданием. К этому, по крайней мере, нас призывает автор. Именно в этом, прежде всего, проявляется мощный духовный заряд повествования, нацеленного на прославление нравственного величия, обыденной жизни обыденного человека. Вот как поясняет эту мысль Астафьев: «Пусть забудется человек, вспомнит о радостном, неповторимом, что было только в его жизни и не будет уже ни в какой другой, хотя порой нам кажется, что жизнь человека, в особенности простого, везде и всюду одинаковая. А если это и так, все равно давайте приостановимся — мы уже так редко слушаем друг друга. Не вникая в жизнь ближнего своего, не разучимся ли мы чувствовать чужую радость, чужое горе, боль, и, глядишь, когда нам больно сделается, никто не поможет нам, не пожалеет, не услышит нас.

И не утратим ли мы насовсем то, что зовется древним добрым словом — сострадание?»

У этого простого русского человека столько же терпения, сколько и здравого смысла — его в нем не исчерпать, не истребить. Его хватит на всех.

Несправедливо только то, что не сообразуется со здравым смыслом, что укорачивает человеческую жизнь. «Почему козырной картой ходит и ходит смерть? Ходит и бьет, ходит и бьет... Надо, чтобы человек проживал полностью свою жизнь. И человек, и птица, и зверь, и дерево, и цветок — все-все чтоб отцвело, роняло семя, и только в продолжении жизни, в свершении назначенного природой дела и срока всему существу и есть какой-то смысл. Иначе за что и зачем мучиться и жить?»

И чем больше Иван Тихонович живет на этой полнотой потом и кровью земле, тем сильнее он врастает в нее своими корнями, и нет для него ничего дороже родного берега Енисея, родных полей, лесов. «Куда я от Анисея-погубителя? — рассуждает он. — Куда от последнего Лелькиного прибежища, от отца-материной недожитой жизни, от могил, от Борьки и Константиновой, от Сереги и Петрушиной, от тех же стариков Сысолятиных могил? Куда без этих гор высоких, без островов и бугорков, под которыми друзья-товарищи фронтовые, земляки зарыты? Кто их могилы доглядит? Кто в родительский день помянет и поплачет об них?..»

Вот уж где истинный патриотизм, вот где берет начало то, что делает людей героями навеки и навсегда, не сказочными, а реальными, живущими рядом с нами и делающими исправно свое дело, куда бы их судьба ни бросала, что бы с ними ни случилось.

Из поколения таких прославленных бойцов боевого и трудового фронта, как Иван Тихонович, с каждым годом остается все меньше и меньше. «Покидают земные пределы последние их колонны, — рассуждает наш герой. — И хоть не в согласии, но все же в мире оставляем землю детям нашим. Как-то оне сберегут, сохранят такой кровью, такой мукой добытое...»

Размышляя о том, как пойдет жизнь дальше, что надо делать для того, чтобы она стала лучше, писатель недвусмысленно намекает: спасение от всех бед — в народе. У людей, подобных Ивану Тихоновичу, его великой, терпеливой труженице и сподвижнице сестре Лельке, утонувшей в Енисее, и др., достаточно сил — честности, совестливости, трудолюбия, доброты, справедливости,

здорового смысла, веры, оптимизма, чтобы одержать верх над любой враждебной стихией...

Герой романа «Печальный детектив» Сошнин, как и Иван Тихонович, тоже проживает жизнь как бы на наших глазах. Только жизнь эта беспокойная, сопряженная с каждодневным риском для жизни. И по своему положению оперативного работника он ближе к тому героическому, которое проявляет себя каждодневно, сиюминутно, ежечасно, в открытой борьбе со злом, подлостью, низостью, другими негативными явлениями, мешающими, словно хронические болячки на здоровом теле организма, его нормальному функционированию, создающие дискомфорт, тормозящие и ослабляющие его творческие силы.

Есть у героя «Печального детектива» и другая отличительная особенность: он становится как бы выразителем новых общественных запросов, социальной и нравственной активности людей.

С этим в определенной мере связан и новый этап в творчестве В. Астафьева, характеризующийся прежде всего перенесением центра тяжести повествования на описание острых ситуаций, в которых активно проявляют себя характеры сильные, натуры недюжинные. Настало время, по мысли писателя, людей решительных, надежных, честных, искренних, которые бы гарантировали успех в борьбе. «Только сильные нравственно, духовно люди способны удержать на своих плечах мир, уберечь его от распада, разложения, устоять против войны. Мещане, пьянь, ворье, быдло всякое — они не могут противостоять. Хотелось приблизиться к такой личности, к такому герою, который в состоянии противостоять безумию, дикости»¹.

В «Печальном детективе», как и в только что рассмотренном рассказе «Жизнь прожить», В. Астафьев представляет своего героя в «итоге», уже отслужившим свою службу, хотя, в отличие от Заплатина, Сошнин еще сравнительно молод, ему чуть больше сорока. Такой многократно использованный в традициях русской классики прием повествования, когда эпилог становится прологом, явление довольно распространенное. Но Астафьев его несколько видоизменяет. Взявшись за перо, начинающий писатель Леонид Сошнин намеревался все происходя-

¹ Астафьев Виктор. Не лишний багаж — благородное сердце. — Литературная газета, 1986, 5 февраля.

щее с ним и вокруг него ранее и теперь оценить своим взглядом, беспристрастно, трезво, объективно, как подобает честному и бескомпромиссному человеку. Но убедившись (в беседе с заведующей местным издательством Сыроквасовой) в том, что публикация рукописи отодвигается по ряду причин на неопределенное время, он как бы символически складывает с себя полномочия и передает их автору, ибо рассказ «о времени и о себе» не терпит отсрочки.

«Он понимал, — пишет о своем герое Астафьев, — что как-то надо налаживать свою жизнь, разбираться в ней и, прежде чем вплотную засесть за письменный стол, по-новому, вдумчивей и — шире, что ли, осмыслить все, что произошло и происходит с ним и вокруг него, научиться смотреть на людей и понимать их не так, как прежде, глазами зоркого и беспощадного «опера», а человека иного предназначения».

В. Астафьев попытался показать в своем романе сложные и многосторонние диалектические связи человека с современным миром, создать характер цельный, полнокровный, отнюдь не идеальный, но и не лишенный в своем развитии лучших человеческих качеств.

Удалось ли писателю осуществить свой замысел? Думается, что ответ на этот вопрос вытекает сам по себе из развязки той борьбы в романе разнородных социальных начал, которая расставила все по своим местам и определила соотношение возвышенного и героического, с одной стороны, и низменного, недостойного человека, — с другой, в структуре современного общественного организма.

Выбор нового героя позволил Астафьеву более внимательно и обстоятельно разобраться в событиях сегодняшнего дня, поразмышлять «и о кривде и о правде», и о том, что происходит рядом с нами, с чем мы идем к концу нынешнего столетия. Схватка героя с тем, что противостоит нормам нашей жизни, «дробит» нашу нравственность, нашу мораль, касается не только судеб отдельных людей, но и затрагивает наши общие проблемы — проблемы государственные, общечеловеческие. Не потому ли вся острота сюжета, весь интерес к происходящему сконцентрированы преимущественно на трудных обстоятельствах, которые приходится преодолевать Леониду Сошнину.

Роман плотно «населен» отрицательными персонажами — уголовниками, разного рода приспособленцами,

пьяницами, тунеядцами, которые, пользуясь безнаказанностью, творят свое гнусное дело, порождая атмосферу озлобленности, страха, недоверия.

«Добрый молодец», рассказывает Астафьев, «пошел гулять по улице и заколол мимоходом трех человек», так вот просто, без определенной цели, первых попавшихся ему на пути.

Сослуживец Сошнина, следователь Антон Пестерев, отказался хоронить родную мать без всякой на то причины, а для успокоения своей «совести» послал на «расходы» 50 рублей.

«Мадам Пестерева», почитающаяся цивилизованной женщиной, позволяет себе глумиться над деревенской девушкой Пашей Силаковой, приехавшей в город, чтобы получить образование.

«Барачный недоносок» Венька Фомин загнал женщин села Тугожилово в телятник и грозился их сжечь «вместе с телятами, если они немедленно не выдадут ему десять рублей на похмелье».

Наконец, те трое на лестнице, налетевшие на незнакомого им Сошнина и готовые его тут же «под пьяную руку» прирезать...

«Откуда это в них. Откуда? — спрашивает себя Сошнин. — Ведь все трое вроде из нашего поселка. Из трудовых семей. Все трое ходили в садик и пели: «С голубого ручейка начинается река, ну а дружба начинается с улыбки...»

Порождение и существование «в человеческом облике» сей «звериной» психологии и морали объясняется, по мысли автора, «покорностью нашей, безответственностью, безалаберностью, желанием избранных, точнее, самих себя зачисливших в избранные, жить лучше, сытей ближних своих, выделиться среди них, выщелкнуться, но чаще всего — жить, будто вниз по речке плыть». Зло это возникло не вчера и не сегодня. В обстановке вседозволенности и попустительства оно давно ждало своего момента и «под нормами морали» готовилось к действию.

Астафьев сознательно заостряет внимание на фактах реальных, невыдуманных, стремится подать их выпукло, обеспечить нужную реакцию. Может быть, этим обстоятельством вызвана некоторая обеспокоенность отдельной части наших читателей сразу же после публикации романа? Дескать, не слишком ли сгущены краски? Не нарушены ли мера и такт в изображении теневых сторон

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ИЗ ГЛУБИН ВЕКОВ	
Познается чувством	22
В зеркале диалектики	30
«За» и «против»	36
ГЛАВА II. ПРОБНЫЙ КАМЕНЬ ИСКУССТВА	
Учиться у народа	53
Союз художника и мастера	74
ГЛАВА III. «ВПИСЫВАЯСЬ» В ИСТОРИЮ	
Переплетено с борьбой идей	91
Имеет право гражданства	114
ГЛАВА IV. ЧАСТЬ ОБЩЕПРОЛЕТАРСКОГО ДЕЛА	
Точка опоры	132
Сквозь призму идеала	156
ГЛАВА V. ЕСЛИ ИЗОБРАЖЕНИЕ ВЕРНО	
Демократична по самой своей сути	171
В духе нового времени	191
Многообразие — в единстве	220
ГЛАВА VI. КЛЮЧЕВАЯ ПРОБЛЕМА	
История и теория	246
Положительный герой — сегодня и завтра	268
На путях обновления	281
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	309

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48